

Княгиня Екатерина Дашкова

Бал
у императрицы

Фрагмент из «Записок»



Д. Левицкий
Портрет кн. Е. Р. Дашковой





В следующем месяце опять был бал при дворе по какому-то случаю. Императрица, обойдя всех статс-дам и иностранных министров и поговорив с ними, вернулась ко мне.

— Я всегда готова выслушать Ваше Императорское Величество с величайшим благоговением.

— Сейчас это невозможно.

— Когда и где Ваше Величество прикажете, — ответила я.

Она отошла от меня, поговорила еще с несколькими иностранными министрами, которые затем становились по другой стороне комнаты; остановившись между двумя рядами, Государыня встретилась со мной глазами и знаком подозвала меня к себе. Я своим ушам не поверила, когда Императрица предложила мне место директора Академии наук. От удивления я не могла выговорить ни слова, и Императрица успела наговорить мне много лестного, думая этим убедить меня принять ее предложение.

— Нет, Ваше Величество, — наконец сказала я, — не могу я принять место, совершенно не соответствующее моим способностям. Если Ваше Величество не смеетесь надо мной, то позвольте мне сказать, что, в числе прочих причин, я из любви к Вашему Величеству не хочу рисковать сделаться всеобщим посмешищем и не оправдать Вашего выбора.

Императрица прибегла даже к хитрости, чтобы убедить меня, высказав предположение, что я потому не соглашаюсь на ее предложение, что больше ее не люблю.

Все, имевшие счастье быть близкими к Императрице, знают, что она умела быть очаровательной, красноречивой и тонкой, когда хотела привлечь к себе или убедить кого-нибудь. Ей незачем было пускаться в ход свое искусство для меня, так как в своей бескорыстной и неизменной любви к ней я готова была слушаться ее во всем, что не шло вразрез с моими принципами. Но на этот раз ее постигла неудача.

— Сделайте меня начальницей ваших прачек, — сказала я, — и вы увидите, с каким рвением я вам буду служить.

— Теперь вы смеетесь надо мной, предлагая занять такое недостойное вас место.

— Ваше Величество думаете, что меня знаете, но вы меня не знаете; я нахожу,

что какую бы должность вы мне ни дали, она станет почетной с той минуты, как я ее займу; и как только я стану во главе ваших прачек, это место превратится в одну из высших придворных должностей, и мне все будут завидовать. Я не умею стирать и мыть белье, но если бы я тут сделала ошибки вследствие своего незнания, они бы не повлекли за собой серьезных последствий, между тем как директор Академии наук может совершить только крупные ошибки и тем навлечь нарекания на государя, избравшего его.



Ее Величество возразила мне, что, вспомнив тех, кто занимал эту должность, я должна буду сознаться, что по своим способностям они стоят много ниже меня. На это я ответила:

— Тем хуже для тех, кто навлекает на себя презрение, принимая совершенно непостоянные обязанности.

— Хорошо, — ответила она, — пока довольно об этом; на вас и так все смотрят; что же касается до вашего отказа, я должна вам сказать, что он убеждает меня еще больше в том, что я не могу сделать лучшего выбора.

От этого разговора я была как в лихорадке, и мое лицо, вероятно, отражало мое волнение, так как я прочла удовольствие на лицах придворных дам, когда вернулась в их ряды; они думали, что между мной и Императрицей произошла неприятная сцена, и старая графиня Матюшкина, которая вообще не любила стесняться, спросила меня, что означал этот длинный и таинственный разговор с Ее Величеством.

— Вы видите, что я совершенно расстроена, графиня, — ответила я, — но меня взволновала доброта Императрицы и ее слишком лестное и совершенно незаслуженное мнение обо мне.

Я с нетерпением ожидала конца бала, чтобы в тот же вечер написать Императрице и с большей убедительностью мотивировать свой отказ. Вернувшись к себе, я тотчас же написала письмо, которое, несомненно, рассердило бы другого государя; я позволила себе сказать, что иногда частная жизнь монарха ускользает от истории, но его вредный или плохой выбор лиц никогда не избегнет ее суда; сам Господь Бог, создавая меня женщиной, этим самым избавил меня от должности директора Академии наук; считая себя круп-

— Прежде чем сердиться, послушайте меня,— ответил он.— Никто не сомневается в вашей любви к Императрице; почему же вы хотите ее рассердить и огорчить? Я вам сказал, что она целых два дня только и мечтает об этом. Впрочем, если вы не дадите себя убедить, вам придется только принять на себя маленький труд заново написать это письмо; вот вам и перо. Я говорю с вами как преданный вам человек; кроме того, должен сказать, что Императрица смотрит на это назначение как на средство приблизить вас к



лой невеждой, я никогда не мечтала попасть в ученую корпорацию, даже в общество Аркадии в Риме, куда я могла быть зачислена за несколько дукатов. Я кончила письмо почти в двенадцать часов ночи, так что было поздно посылать его Императрице, но, сгорая от нетерпения покончить с этим делом и добиться, чтобы Императрица бросила свою затею, которую я считала просто нелепой, я поехала к князю Потемкину, никогда прежде не переступая порога его дома. Я велела доложить о себе и просила меня принять по очень важному делу, даже если он в постели. Действительно, князь Потемкин уже лежал; я рассказала все, происшедшее между мной и Императрицей, на что он мне ответил, что Императрица уже сообщила ему об этом и что она прониклась мыслью поручить мне управление Академией наук.

— Но я не хочу и не могу на это согласиться,— ответила я.— Я написала ей письмо; прочтите его, князь, и прикажите передать его Императрице, как только она проснется.

Князь Потемкин, прочитав письмо, разорвал его начево. Меня подобная бесцеремонность привела в негодование.

— Как вы смеете, князь, рвать мое письмо к Императрице? — воскликнула я.

себе и удержать в Петербурге; ей надоели дураки, окружающие ее.

Мой гнев на князя прошел, так как я вообще была отходчива; я ответила ему, что напишу более умеренное письмо и велю своему лакею передать его через камердинера Императрице; но попросила его помочь мне изгнать из головы Императрицы ее несообразную затею. Прощаясь с князем, я выразила надежду, что он и впредь не откажет мне в своих услугах.

Вернувшись к себе, я была так взволнована, что, не раздеваясь, села писать и так и просидела до утра в придворном костюме, раздумывая над случившимся накануне. В семь часов утра я послала лакея во дворец и получила ответ от Императрицы, в котором она говорила мне много любезностей, но ничего определенного насчет моего отказа. К вечеру того же дня я получила письмо от графа Безбородко с приложением копии с указа, уже отправленного в Сенат, которым я назначалась директором Академии наук и упразднялась комиссия, учрежденная с некоторых пор для управления Академией, вследствие жалоб на Домашнева профессоров и всех лиц, служивших в Академии. Смущенная и пораженная, я велела никого не принимать и, расхаживая по гостиной, стала раз-

мышлять над беспокойством и хлопотами, которые доставит мне это место; что еще хуже, я предвидела, что между мной и Императрицей возникнут неоднократные недоразумения. Граф Безбородко писал мне между прочим: «Ее Величество приказала мне сообщить вам, что вы можете докладывать ей о всех делах, касающихся той части, в управление которой вы вступаете, и что она будет всегда готова устранить все препятствия и облегчить трудности, которые вы встретите на своем пути». Таким образом, я очутилась запряженной в воз, совершенно развалившийся, и лишена была даже помощи вышеупомянутой комиссии.

Я на свой страх решила послать в канцелярию Академии копию с указа и приказала продолжать прежнее управление ею еще два дня и в тот же день прислать мне сведения о всех отраслях ее деятельности, о типографии, словолитне и т. п., список фамилий всех лиц, заведующих кабинетами, библиотекой и т. п.; кроме того, я просила лиц, стоящих во главе различных отделов, приготовить мне к следующему дню подробный рапорт о состоянии вверенных им отделов. Одновременно я просила комиссию сообщить мне все нужные сведения и инструкцию или устав, определяющие права и обязанности директора, дабы я могла их хорошенько усвоить, прежде чем приступить к какой бы то ни было деятельности; наконец я уверяла этих господ, что считаю своим священным долгом платить им дань уважения, столь заслуженного их талантами и учеными трудами, и просила их передать то же самое своим коллегам.

Я надеялась таким путем избежать крупных недоразумений в самом начале. На следующий день я отправилась в уборную Императрицы, где собирались ее секретари и начальники отдельных частей для получения приказаний от Ее Величества. Каково же было мое удивление, когда я увидела среди них и Домашнева! Он подошел ко



мне, изъявляя готовность преподавать мне наставления насчет моей новой должности. Негодуя на его нахальство, я возможно вежливее объявила ему, что первой своей обязанностью ставлю славу и процветание Академии и беспристрастие к ее членам, таланты которых будут служить единственным мериллом для моего уважения, и что в моем полном неведении относительно подробностей управления Академией я прибегну к просвещенным советам Государыни, обещавшей мне свое руководство. В ту минуту, когда он мне что-то отвечал, Императрица приотворила дверь и, увидав нас, закрыла ее снова и позвонила. Дежурный камердинер вошел к Императрице и затем пригласил меня в комнату Государыни.

— Как я рада вас видеть, — сказала она мне. — Скажите, пожалуйста, что вам говорил этот дурак Домашнев?

— Он меня наставлял, Ваше Величество, как мне себя вести в новой должности, в которой я окажусь еще невежественнее его, с той только разницей, что я буду строже следить за тем, чтобы на мое бескорыстие не упало и тени сомнения. Не знаю, должна ли я благодарить Ваше Величество за это блестящее доказательство вашего высокого мнения обо мне или выразить вам свое соболезнование по поводу необычайного шага, сделанного вами, — назначения меня директором Академии наук. Ее Величество стала уверять, что она не только довольна своим выбором, но гордится им.

— Это очень лестно для меня, Ваше Величество, — возразила я, — но вы вскоре станете водить слепого: я, круглая невежда, во главе всех наук!

— Будет смеяться надо мной, — ответила Государыня, — надеюсь, что вы в последний раз так говорите со мною.



Отрывок публикуется по изданию: Воспоминания княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Лейпциг, 1876.